

- [Заветы о молитвенном делании](#)
-

Заветы о молитвенном делании

«Заветы о молитвенном делании» — благословение монашествующим и всем ревнующим о благочестии Смоленской Зосимовой пустыни схиигумена Германа.

Настоящим изданием исполняем волю старца схиигумена Германа передать дорогие ему мысли, которыми он жил, в которых он утверждал своих учеников, на общую потребу. Прилагаем на память о старце его портрет (на титульной стороне книги).

«Подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущу добрых бисерей: иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его». ([Мф. XIII:45—46.](#))

«Духовные купцы мы, братие, — говорит святой [Ефрем Сирийский](#), — ищем многоценную жемчужину, которая есть Христос наш Спаситель, сокровище непохищаемое». Блажен и трижды блажен, кто постарался приобрести эту небесную жемчужину, этот небесный жемчуг божественной молнии Христа».

Ибо Господь сказал: «Где сокровище ваше; там будет и сердце ваше» ([Мф. VI:21](#)). Сокровище наше — это самое для нас драгоценное в мире, столь драгоценное, что мы держим его сокровенно, скрываем его от людей, как скрывают свое богатство купцы земные, боясь, чтобы кто-нибудь не похитил его у них.

И подобно тому, как они скрывают видимое сокровище свое в потаенные клетки своего дома, и мы скрываем свое невидимое сокровище в сокровенной клетке своего сердца, пребывая в безмолвии. «Паче всего, — советует святой [Исаак Сирийский](#), — возлюби безмолвие ума. Ум безмолвный достигнет дивного, душа его ощутит неизъяснимую радость».

Купец составляет свое богатство из прибыли, получаемой им от купли и продажи, и радуется, когда прибыль его возрастает, христианин же добрый, будь то мирянин благоговейный или монах благочестивый, радуется, когда в нем возрастает смирение, ибо это есть прибыль его: не имеющий смирения подобен купцу, торгующему без прибыли и убытка.

Купцы земные приобретают богатство свое торговлей, обменом товара на золото, из которого составляют они сокровище свое, — духовные же купцы пусть научатся от Самого Господа, что надлежит им делать, чтобы приобрести богатство вечное, неизживаемое: «Если хочешь быть совершенным, — говорит Спаситель вопрошавшему Его богатому юноше, — пойди, продай имение свое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» ([Мф. XIX:21](#)).

Итак, Спаситель ясно указывает на то, что желающий приобрести сокровище вечное, небесное должен продать и раздать все имение свое и идти вслед за Ним, не обязуясь куплями житейскими, да Ему Единому угоден будет. В награду за это Господь обещает последовавшему за Ним неизреченную радость постоянного пребывания с Ним, говоря: «Аще кто мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет» ([Ин. XII:26](#)).

Это обещание, непостижимое во всей полноте своей слабому человеческому уму, отчасти только становится нам понятно из слов святого апостола Павла: «Ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова [Бог](#) любящим Его» ([1 Кор. II:9](#)).

Не будем же затруднять себе пути к радости вечной, не отойдем с печалию, как богатый юноша, но отбросим от себя все земное и бежим от суеты мира, как серна от тенет. Избавившись от тенет, серна стремится на источники водные, и душа, освободившаяся от земных попечений и возжаждавшая Бога крепкого живого, стремится неудержимо к познанию Бога, на сей источник воды живой, текущий в жизнь вечную.

Познание же Бога и исполнение святой воли Его есть совершенство жизни во Христе, когда душа ни о чем земном не помышляет, как учит нас святой апостол Павел: «Не заботьтесь ни о

чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания перед Богом, и мир Божий, который превыше ума, соблюдет сердце ваше и помышления ваши во Христе Иисусе».

Мы должны любить Бога всем сердцем, всюо душою и всем помышлением, нераздельно, а все остальное любить только о Боге и через Бога, чтобы ничто не умоляло нашей любви к Нему.

И потому-то говорит Господь: «Упразднитесь и уразумеите, яко Аз есмь Бог». Отвратив ум свой от всех земных попечений, мы уразумеем, сколь благ Господь, тогда не будем уже помышлять о земном, ни говорить, ни слушать того, что человеческое, но только то, что Божие, будем вспоминать Бога, призывать Его милость и взирать на Его благодать.

И будем тогда подобны Ангелам, всегда видящим лицо Отца Небесного, и говорить как Матерь Божия: «Возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем».

Людам, исполненным таковой благодати и радости духовной, апостол Павел говорит: «Непрестанно молитесь, всегда радуйтесь, за все благодарите» ([1 Сол. 5:17—18](#)). Молитва Иисуса — непрестанное повторение имени Иисусова в сердце — это и есть исполнение завета апостола Павла. Но непрестанная [молитва](#), т.е. непрерывная беседа души с Богом, возможна только «чистым сердцем», очистившим сердце свое от всяких других помыслов, прилепившихся Богу и возлюбивших Его паче всего.

Святые отцы сравнивают сердце человека с водной поверхностью: подобно тому, как в чистой, прозрачной воде ясно отражается видимое солнце и чем спокойнее поверхность воды, тем яснее отражение солнца, — и в сердце безмолвном, очищенном от всяких помышлений, воображается мысленное Солнце — Христос, и чем чище и безмолвнее сердце подвижника, тем полнее и более зрит оно в своем сердце Христа. Таковых ублажает Господь в своих заповедях, говоря: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Это постоянное «зрение» в сердце своем Бога и непрестанная к Нему молитва были деланием первых людей, [Адама](#) и Евы в раю.

Преподобный [Нил Сорский](#) говорит, что, по Писанию, Бог, сотворив Адама, поместил его в раю сладости делать и хранить рай: делом райским он назвал молитву, а хранением — соблюдение от злых помыслов после молитвы. И первозданный человек, как чистый душою и сердцем, пребывал в зрительной, одним умом священнодействуемой, благодатной молитве и мужественно хранил ее, как зеницу ока, как дело райское, чтобы оно никогда в душе и сердце не умалялось.

Но вот совершилось ужасное грехопадение, положившее начало всем скорбям всего человеческого рода, удалившее людей от блаженного пребывания в благодатных лучах Божественной любви и ввергнувшее несчастных потомков Адама в постепенно увеличивающуюся бездну греха.

По мере погружения в [грех](#) человека ожесточалось и сердце его, тьма греховная застилала в нем постепенно образ Божественный, и он уже не мог из сердца нечистого воссылать чистую непрерывную молитву к Богу, непрестанно зреть Его перед собою, непрестанно славить Его. Господь по великому милосердию Своему и бесконечной любви к Своему созданию не дал человеку погибнуть до конца и даровал ему образ покаяния — раскаяние в грехах своих, чтобы этим снова приблизить его к Себе.

«Омойтесь, очиститесь, — говорит Господь через пророка Своего Исаию, — научитесь делать добро — и, если будут грехи ваши как багряное — как снег убелю, и если будут красны как пурпур — как волну убелю» ([Исаия 1, 16—18](#)). Ибо нет греха в мире, превышающего милосердие Божие.

Милосердие Божие — это море бесконечное, а наши грехи, омытые слезами покаяния, — это капля единая, которая покрывается и исчезает в бесконечном море милосердия Божия. И так, омыв грехи свои слезами покаяния, очистим сердце свое от всякой скверны, чтобы в нем

снова мог воссиять Божественный свет.

Тогда и мы скажем, подобно царю Давиду, сему великому учителю покаяния, воспевшему после раскаяния в грехе своем: «Предзрех Господь предо мною выну, яко одесную мене есть». И увидев Господа в сердце своем, воспоем Ему «песнь нову», т.е. установим внутри себя постоянную тайную молитву (Иисусову), и будем петь эту песнь непрерывно на земле, чтобы не умолкнуть и после смерти, а только перейти в Небесное, Вечное Царство и там продолжать славославить нашего Творца в бесконечные веки со всеми Архангелами и Ангелами и всеми святыми, угодившими Богу.

Это — та благая часть, которую избрала Мария и которая, по словам Спасителя, «не отыметя от нея». Что же надо делать желающим избрать эту благую часть? Если хочет кто очистить сердце свое от всех лукавых помышлений, оскверняющих внутреннего человека, тот пусть взывает: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

«Невозможно, — говорит святой [Исихий Иерусалимский](#), — невозможно очистить сердце свое без чистого призывания Иисуса Христа».

Слыша об этом, многие из святых, оставив всякую другую добродетель, старались только об одном — чтобы очистить и сохранить свое сердце от всяких недобрых помышлений, и лучшим к тому средством находили, когда со страхом и благоговением произносили имя Господа Иисуса Христа. И это занятие называют отцы «изыщнейшим деланием», самым лучшим способом и водворению внутри себя Царствия Божия.

«Имя Господне свято есть», — сказано у пророка, и тот, кто вспоминает святое имя Господа Иисуса как должно, с благоговением и умилением, тем самым освящает свое сердце и водворяет в нем радость спасения.

«Если корень свят, то и ветви святы», — говорит апостол ([Рим. XI:16](#)), если сердце освящается именем Господним, то и мысли исходят из него святые, духовные, подающие душе радость и веселие. Внутренняя же молитва есть дыхание духа бессмертного, она производит радость о Господе и постоянное благодарение за все, что подает Господь, за скорби так же, как и за радости, видя во всем милосердие Божие, ведущее нас ко спасению, ими же веши судьбами. Избранные сыны Царствия Божия, прилепившиеся всею душою ко Господу Богу, о законе Его помышляют день и ночь. Они одни, вменяя все земное за ничто — и славу, и приобретение, и спокойствие свое, подвизаются всегда добрым подвигом, усердно сохраняют веру словам Христовым и постоянно ожидают милости от Бога Спасителя своего. Они, проводя жизнь свою на земле, начинают жить уже небесной жизнью, жить сокровенно со Христом в Бозе. У них нет печали о земном, но одно у них попечение о том, как угодить Богу.

Кто пришел в такое состояние, тот облекся во Христа и может неложно сказать, как и апостол Павел: «Не к тому себе живу, но живет во мне Христос» (См. [2 Кор. V:15](#)). Блажен, кто сподобился усмотреть внутри себя Господа Бога и ощутить в сердце своем мир Божественный и радость, происходящую от Духа Святого; сей горит любовью к Богу подобно купине, любовью вечно несгораемой. Эту любовь ко Христу Богу ничто не преодолевает: ни скорби, ни гонение, ни голод и томление, даже и [смерть](#) не уничтожает; эта любовь вечно веселит душу, благодатно утешает и производит в сердце неумолкаемую песнь Богу Спасителю, от которой бывает такое упоение души, что она не может иногда от сладости сердечной и говорить иное, как только одно, повторяя непрестанно: «Иисусе мой, Иисусе, сладчайший Иисусе». Как святые на небе, где ум их занят созерцанием Божией славы, молятся не молитвою, но только утешаются Божиим благоволением к ним, так бывает и с теми, кто сердцем предан Богу и внутри себя созерцает присутствие Бога. Сердце его тогда, по словам святых отцов, соделовается небом: сияющее в нем солнце — свет Пресвятой Троицы, воздух, которым дышит, — Всесвятой Дух, близкие, родные ему — святые и бесплотные, а жизнь, радость и веселие — Христос, Свет от

Света, Бога Отца. Он весь соделоваётся внутри облаком Божией славы и озаряется лучами Владычного Света, становится страшен демонам и вожделен Богу и Ангелам Его. Таков был [Симеон Новый Богослов](#), который говорит о себе: «Сижу на одре и усматриваю внутри себя Творца мира и беседую с Ним».

Но не всякая молитва приводит человека на высшую духовную область, хотя бы кто молился по виду много и долго, но без внимания и упования на Божию милость. Только тот, кто прилепляется умом и сердцем ко Господу и отвращается от всего видимого плотскими очами, тем самым получает зрение внутри себя, сердечными очами, невидимого Бога, отчего неудержимо изливается из сердца и ума его непрестанная хвалебная песнь своему Творцу и вопль души его о помиловании, дабы не лишиться вечного благодатного соединения с Ним в будущей жизни. Таковой немногим чем бывает умален от Ангелов и по чувствам и стремлениям ума своего приближается небожителям.

И вот в такое-то состояние дивное приходит человек не иначе как только молитвою умною и сердечной. Истинные молитвенники не умножают слов своих перед Тем, Кто видит и самые сокровенные мысли, но ведают, что Господь с любовью взирает на сердце «сокрушенно и смиренно», обращенное к Нему, и милостиво внимает гласу моления тайного, исходящего из него.

Таков был Моисей, который при переходе через море Чермное молился умом, хотя он слов не говорил, но Бог воззвал к нему: «Что вопиеш ко Мне?» ([Исх. 14:15](#)); такова была Анна, мать пророка Самуила, молившаяся пламенно, но без слов, и которая была услышана Богом; таков был апостол Павел, сказавший: «Хочу лучше сказать пять слов умом, нежели десять тысяч языком» (См. [1 Кор. XIV:19](#)). Поучимся и мы такому внутреннему деянию и не будем искать многословие, ибо оно не приблизит нас к Богу, но чистое сердце и ум глубококоммолчащий приведут душу нашу к созерцанию Бога и соединят нас с Богом.

Невидимо соединившийся с Сокровенным втайне, остается иногда без всяких знаков видимой молитвы, погруженный весь в таинственное молчание, но это молчание есть сладкая беседа с Богом, хотя и без слов, и без звуков. Объяснить этого словами нельзя.

Святой Исихий Иерусалимский говорит: «Если знаешь, и дано тебе заутро предстоять и не только зриму быть, но и зреть ([Пс. 5:4](#)), то ты поймешь, о чем я говорю; если же нет, — трезвись и получишь».

Один искусный делатель такой молитвы, утаенной от людей, указывает самый простой к тому способ: «Возлюби, — говорит он, — молчание и будешь всегда молиться, обращая постоянно ум и сердце к Богу». И опытный в этом деле Исаак Сирин сказал: «Насколько уклоняется душа от бесед с людьми суетного ума, настолько удостаивается блаженного собеседования с Богом».

Это молчание в разуме есть тот самый путь, которым являет Господь спасение Свое и благословляет людей Своих миром.

Но уберегая ум свой от собеседований и размышлений суетных, надо стараться всеми силами, чтобы он не оставался праздным, но непрестанно, терпеливо молился и не унывал. Ибо во всяком деле, особенно же в деле тайной молитвы, требуется терпение и вера, через которые Господь посылает в свое время избранным Своим великое благодатное утешение, подаваемое им смиренным только, а не гордым. На многие просьбы жены Хананейской Господь не обращал внимания, когда же она показала терпение и смирение, Господь похвалил ее и сказал: «О, жено! велия вера твоя: буди тебе, якоже хоцещи» ([Мф. XV:28](#)).

Чтобы смирить душу, попускаются Богом разные скорби и искушения, которые так терзают душу, что человек бывает жизни не рад, но Господь силен внезапно обогатить нищего духом и вместо духа уныния даровать великую радость спасения.

Так было со многими — [Георгий, затворник Задонский](#), рассказывает о себе так: «Провел я в затворе моем шесть лет, когда Господу угодно было привести мое сердце в совершенное сокрушение. Был я тогда в совершенном изнеможении, но в сердце постоянно повторял: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Вдруг коснулся моего сердца огонь божественной любви, и в мгновение ока я весь исполнился приятного чувства и радости неизъяснимой».

Итак, мы видим, что истинная молитва рождается из глубочайшего самоуничижения и смирения, и это и есть спасительный путь.

Преподобный [Григорий Синаит](#), встретив святого Максима Капсокаливита, спросил его, как он получил умную молитву, и тот отвечал ему, что не может скрыть от него чуда, которого удостоился от Пресвятой Богородицы. От юности своей имел он великую веру к Божией Матери и умолял Ее, да подаст Она ему благодать умной молитвы.

Однажды, придя в храм, как всегда, просил он об этом Пречистую Деву особенно горячо и усердно, и когда потом с любовью целовал святую икону Ее, то вдруг ощутил в груди и в сердце особенную теплоту и пламень, исшедшее от святой иконы, которое не жгло его, а орошало и услаждало, и вносило в душу его великое умиление. С этой минуты сердце его начало изнутри себя говорить молитву, а ум его с тех пор услаждался постоянным памятованием Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы и всегда пребывал в нем; с того времени молитва не пресекалась в сердце его.

Святые отцы говорят, что подобно тому, как из самой глубины моря достаются драгоценные жемчужины, так и в глубине смиренномудрия находятся лучшие сокровища духовные. Как те, которые добывают золото из земли и жемчуг из глубины морей, бывают в то же время под ногами всех людей — так и желающие обогатиться Божественной благодатью подвергаются такому самоуничижению, что сознают себя хуже всех людей. Тогда является в сердце подвижника чувство сознания своей полной немощи, безответности перед Всемогущим, Всесильным Богом, проникающее до самой глубины души, но вместе с тем и надежда на милосердие Божие и дерзновенная к Нему молитва: «Помилуй мя, Боже, яко не токмо немощен есмь, но Твое есмь создание!» Такое чувство, сокрушенное и смиренное, но полное веры и упования на милость Божию, является лучшим основанием сердечной молитвы.

Молитва Иисусова, по учению святых отцов, есть главнейшая молитва. Эта молитва предана Ангелом преподобному Пахомию и через него и всем нам. Она читается так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Что может быть легче этой [МОЛИТВЫ](#) к удержанию в памяти и удобнее к произношению во всякое время и на всяком месте? Молитва Иисусова как бы состоит из двух частей. Первая из них есть как бы славословие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий», вторая — прошение о помиловании: «помилуй мя грешного». Причем замечательно, что нельзя лучше, правильнее и отчетливее выразить желание и прошение бедной, грешной души, как этими словами: «помилуй мя». Всякое другое слово не было бы достаточно полно, а слова: «помилуй мя» изображают не только желание получить прощение грехов страха ради, но есть также искренний вопль сыновней любви, надеющийся на милосердие Божие и смиренно сознающий свое бессилие.

Спасительную силу и действенность молитв Иисусовых усвоил Сам Господь наш [Иисус Христос](#); перед наступлением страданий Своих, утешая Своих учеников, Он обещал им сделать все, что они попросят во имя Его: «Аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю» ([Ин. XIV:14](#)). И по воскресении Своим торжественно повторил это обещание словами: «Именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы,.. аще и что смертно испиют, не вредит их» ([Мк. XVI:17—18](#)).

И действительно, нет ничего в мире, чего бы не могли совершить верующие о имени

Иисусовом. Молитва Иисусова — это высшее монашеское делание, — это высшая молитва. Сила ее в самом имени Господа нашего Иисуса Христа, с верою произносимого, и сила эта велика.

Когда преподобный Серафим пришел на совет в Киево-Печерский монастырь к старцу Досифею, то получил указание: «Иди в Саровскую пустынь, твори постоянно молитву Иисусову и спасешься».

Имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, в уме и на языке. Молиться надо всегда: стоим ли, лежим ли, сидим ли, и за едой, и за работой, всегда надо повторять молитву Иисусову:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Но насколько эта божественная молитва больше великого другого монашеского подвига, настолько распространяются около нее тончайшие, невидимые сети прелестей и мечтаний врагом нашего спасения. «Сыне, — говорит Писание, — аще приступаеши работати Господеви, уготовай душу свою во искушение». Поэтому желающий избежать этих сетей и стать на путь чистой непрелестной молитве, должен предать себя душою и телом в послушание, т.е. предать себя в полное отсечение своей воли и своего рассуждения духовному отцу, человеку, боящемуся Бога, опытному в этом мысленном подвиге, могущему показать повинующемуся незаблудный путь ко спасению. Это необходимо для того, чтобы истинным послушанием в разуме он мог сделаться свободным от всех житейских попечений и пристрастий. Как же не быть свободным тому, кто всякое попечение о душе своей и теле возложил на Бога, а по Боге — на отца своего духовного. Стремлением же, рождающимся от полного послушания, он избежит всех прелестей и сетей диавольских, тихо, безмолвно будет упражняться в мысленном делании и получит много пользы душе своей. Молитва Иисусова и борьба с помыслами составляют невидимую брань, которая есть главное делание монашествующих. И эта борьба с помыслами вменяется монахам в мученичество. У святых отцов сказано, что самая великая добродетель мирянина меньше перед Богом, чем борьба с помыслами обыкновенного монаха. Понять это может только тот, кто сам испытал эту борьбу; другим это непонятно, потому что невидимо. И в этой борьбе главная помощь — откровение помыслов старцу: без этого нельзя. Открываться старцу надо чисто, сердечно, все говорить, что есть на душе, каждую пылинку сдувать с души; подобно тому, как на платье светлом все пятна видны и хочется их смыть, так и с души надо каждое пятнышко смывать покаянием.

Итак, положив твердым и непоколебимым основанием молитвы Иисусовой блаженной послушание и неразрывное с ним откровение помыслов старцу, покажем из учения святых отцов, что такое эта священная молитва по качеству и действию, для того, чтобы желающий обучиться сему духовному деланию видел ясно, какими действиями возводит оно подвижника молитвы к великому и неизреченному преуспеянию, и поощрило бы его в желании неуклонно следовать пути, намеченному стопами святых, угодивших этим Богу.

Истинное и непрелестное внимание и молитва состоят в том, чтобы во время молитв ум хранил сердце и пребывал постоянно внутри его и оттуда, т.е. из глубины сердца, воссылал молитву к Богу. И когда внутри сердца вкусит он «яко благ Господь» и усладится, то не будет уже исходить из места сердечного и вместе с апостолом скажет: «[Добро](#) есть нам zde быти» ([Мф. XVII:4](#)). А потому войди в самого себя — ищи усердней: в сердце у тебя хранится сокровище. Войди в себя, живи в себе самом в прекрасной клетке духа твоего — и там ищи царствия, как научил нас Спаситель. Царствие это в тебе! Войди же в себя, пребывай в сердце твоём, ибо Там Бог.

Но как на земле, прежде чем войти в палаты царя земного и беседовать с ним, надо подготовиться и знать, как вести с ним беседу, тем более и здесь мы должны со всяким страхом

и трепетом изучить, что надлежит нам делать и как держать себя в великом и страшном присутствии Царя Сил!

Прежде всего должно быть жителство наше безмолвно и беспопечительно и со всеми мирно. Потом, сев в клеть свою, т.е. обратив все внимание внутрь себя и собрав ум свой, понудим его войти в сердце вместе с дыханием. Когда же он войдет туда, последующее будет уже не невесело и не нерадостно. Приучим ум свой нескоро выходить оттуда, потому что он сначала будет скучать от внутреннего затвора и тесноты. Когда же приобвыкнет, то уже не терпит скитаться вне, потому что «Царствие Небесное» находится «внутри нас». И когда мы ищем его там чистою молитвою, то все внешнее делается мерзким и ненавистным. Надо же знать и то, что ум, пребывая в сердце, не должен оставаться праздным или молчащим, но иметь непрестанным делом и поучением эти слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Если же потрудившись невозможно войти умом в сердце, то вот что надо делать с помощью Божией: есть внутри каждого человека говорение тайное в душе его, которым мы при молчании уст говорим, рассуждаем, произносим молитвы или псалмы. Этому-то тайному голосу, отняв всякий помысл (что можешь, если захочешь), дай говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — и заставляй себя вместо всякой другой мысли постоянно взывать так внутри. Когда же потрудимся так некоторое время, то этим откроется и сердечный вход и придет с многовожделенным и сладким вниманием и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие. Произносить молитву святые отцы советуют с рассуждением, применяясь к силам подвизающегося. Иному можно говорить всю молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», — иному же по немощи ума и младенчеству духовному лучше начинать с половины молитвы. Сперва можно молитву короче говорить, всего пять слов: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя» или «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», так легче, короче и лучше внимание удерживать на словах. Потом, когда укрепитя внимание, можно одно слово прибавить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного».

Так святые отцы советуют новоначальным — это полезнее, и крепче потом молитва будет.

Слова молитвы иные учат произносить устами, другие — умом, иные же допускают и то, и другое. Иногда ум изнемогает, соскучившись говорить, иногда же изнемогают уста. Поэтому должно молиться обоим — иногда устами, иногда умом, держа внимание ума в сердце и отгоняя всякий помысл; как дурной, так и хороший.

Искусные в этом деле старцы советуют устами творить молитву по четкам вслух самому себе, хоть одну сотню раз наедине в келий так, чтобы мысли наши прислушивались к словам молитвы; чрез это будет впечатлеваться молитва в память.

Надо беречься от всякого помысла и мечтания, хранить глубокое безмолвие ума, если же не возможем без помысла исполнить сотню, то опять надо начать и постараться исполнить ее без помыслов. Это наша азбука — с нее начинают все.

Потом, если увидим, что можем произнести больше, можно прибавить еще сто молитв. Со временем можно и еще умножить число молитв. Слова молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтобы ум имел возможность заключаться в слове. Не надо произносить молитвы спешно, одну за другой, а делать после каждой молитвы краткий отдых, способствуя тем уму сосредоточиться. ' Переводить дыхание следует с осторожностью, дышать тихо и медленно — это сохраняет от рассеянности. Когда же утомятся уста, полезно при закрытых устах произносить слова беззвучно, движением языка, потом уже умом, стараясь отгонять помыслы и внимать тому, что произносишь. Со временем Бог поможет нам достигнуть и того, что само сердце наше будет творить молитву не только, когда бодрствуем, но и во сне. Только молиться

надо непрестанно, принуждать себя всегда, с каждым дыханием произносить имя Иисусово. Приучим себя так, чтобы, проснувшись от сна, первою мыслию, первым словом была молитва Иисусова. Как проснемся — так сейчас же за молитву, тотчас к Богу устремимся и будем с Ним. Установимся в памяти Божией: как человек человека видит лицом к лицу, так постараемся поставить душу пред Господом, чтобы они были с глазу на глаз. Стой, как на суде, устремляя взор на уста Господа, из которых готово изойти последнее тебе решение: «прийди» или «отойди».

Приступая к молитве, надо возбудить в себе страх Божий и благоговеинство, затем стать вниманием в сердце и оттуда взывать ко Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Молиться Богу надо в полном внимании, вникать умом в каждое слово молитвы. Если ум отбежит, надо возвратить его, принуждать его тут быть и в то же время языком повторять слова молитвы. Так будет хорошо! Главное, чтобы при этом неотступно было в душе чувство самоукорения, чувство своей греховности, безответственности перед Богом. И любить надо Господа! Ведь Господь добренький, Он кровь Свою за нас пролил. За то должны мы Господа благодарить и, как дети Отца, молить простить нам наши грехи.

Просто говорите с Господом — ведь Он так близок к нам! Надо говорить Ему все, что у нас на душе: чувство ли покаянное придет, так и говорить, как чувствуешь: «Господи, грешник я перед Тобою, ничего не имею, но помилуй меня по великой Твоей милости. Аще хочу или не хочу, спаси, имиже веси судьбами спаси». И как дети просят свою мать, просто приступая к ней, желая всем существом получить просимое: «Мама, дай мне то или другое, дай!» — так и мы должны просить Господа и всю душу вкладывать в слова молитвы.

Святитель Тихон Задонский так обращался к Богу и молился Ему: «Кормилец Ты мой, Батюшка!» — вот какую он близость чувствовал ко Господу!

Молиться надо чаще, непрерывно понуждать себя к молитве.

Великий делатель молитвы Иисусовой старец-затворник Гефсиманского скита о. Александр всегда говорил: «Чаще надо молиться, чаще молиться, чтобы навык молитвенный приобрести». Частость молитвы есть самый лучший и верный способ к приобретению чистой, сердечной молитвы. От частого повторения слов молитвы молитва постепенно прививается к сердцу и становится нераздельно с ним. Но для этого требуется от подвижающегося много труда и болезненное принуждение. «Даждь кровь и приими дух», — говорит Писание. Труд же самопринуждения все преодолевает. «Царствие Небесное нудится, — говорит Спаситель, — и нуждницы восхищают е» ([Мф. XI:12](#)). При этом надо укорять себя во всем, каждую минуту, за каждый помысл, и от этого постоянного самоукорения устанавливается в душе сознание греховности и немощи, из которого возрастает чувство глубочайшего смирения. Без этого нельзя: как дом строить нельзя из кирпича без известки, потому что кирпичи держаться не будут, так и все добродетели надо скреплять смирением и самоукорением.

От них же неизбежно происходит молитвенное к Богу воззвание, которое и есть чистейшая молитва.

При упражнении в молитве Иисусовой мы должны предстоять перед Богом молитвою в глубочайшем благоговении, в величайшем страхе и трепете устремляя к Нему все внимание.

«Будь подобен Херувимам, — говорит святой Ефрем Сирийский, — и не думай, что кроме тебя и Бога есть кто-либо другой на земле».

Когда предстанем в молитве пред Богом, душа наша, пораженная величием Божиим, зрит пред Ним всю немощь свою и соделовается мысленно как бы муравьем, как бы пресмыкающимся, как бы немотствующим ребенком. Из глубины сердца возводи тогда глас к Богу, держа молитву свою сокровенно. Ты стоишь в хоре Ангелов, общник еси Архангелам и поешь с Серафимами. Но все эти сонмы великое соблюдают благоговение Богу, Царю всяческих

— им подражай и ты!

Если мысли в это время будут приходить дурные или хорошие, надо их отгонять, опять будут приходить — опять отгонять — и все так. Остров, лежащий среди моря, может ли остановить волны, чтобы они не ударяли в него? Но остров противостоит волнам. Так и мы не можем остановить помыслов, но можем противиться им. И помнить надо, что в брани с помыслами оружие и щит — имя Господа нашего Иисуса Христа, постоянно повторяемого в сердце: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Против него враг бессилен.

Это знали и помнили в древности все монахи и крепко держались за это святейшее имя.

В Древнем патерике сказано, что в одной обители в Александрии еще в глубокой древности, когда монахи были на работе, выгружали пшеницу из корабля, и пока они работали, один из них стоял на высоком берегу моря и громко зывал нараспев: «Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Сам он не работал, а только неустанно напоминал все время братии, что и в работе, как и всюду, всегда они должны хранить в сердце и повторять устами сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа. Вот как в древности было.

Если мы усердно желаем подражать этим великим подвижникам молитвы, то должны стараться подобно им, как можно чаще или даже непрестанно при всех занятиях творить молитву Иисусову, произнося тихо или мысленно повторяя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Зывать надо ко Господу умиленно, в полном убеждении, что Он близ и внимает нам.

И делать это непрестанно, и в церкви, и дома, на пути, и за столом, и в постели, и одному, и в присутствии других. Словом, с той минуты, как откроем глаза, до той, когда закроем, имя Иисусово да будет неразлучно с нами. Только чтобы ум всегда внимал словам молитвы, а не о другом чем мечтал.

Эта спасительная молитва бывает трудовая, делательная, но если не поленимся потрудиться над нею, то она станет самодвижною, сама будет твориться в сердце. Это благо великое и потрудиться стоит, чтобы достигнуть его.

Старец о. Александр, достигший сам такой высоты в молитвенном делании, ставил молитву внутреннюю выше всех добродетелей. Ум его постоянно был занят молитвою и обращен к Богу и горнему отечеству; лицо его сияло всегда радостью духовной, проистекавшей от непрестанной молитвы Иисусовой.

С молитвой на устах просиживал по целым дням и ночам на низеньком стуле в своей келий. Он так привык к молитве, что почти и дышал ею; даже во сне уста его шептали святые слова.

Когда я обучался молитве Иисусовой, говаривал старец своему ученику, — то выбирал себе удобное место, стул или что-нибудь другое; бывало, часы мне мешали, и я уносил их в другую комнату, а теперь мне везде хорошо; где ни сяду, везде получаю спокойствие моему духу; я времени не вижу — оно течет так скоро, как будто бы летит, а прежде, когда только еще обучался молитве, мне казалось, что время идет весьма долго».

Конечно, старец достиг такого навыка в молитве Иисусовой не без труда. Ему было так трудно, когда он нудил себя к молитве в начале своего подвига, что он скорее был согласен камни ворочать, лишь бы не творить молитву. И мысль его смущала, что он, творя молитву, погубит свой ум. Но он возложил твердое упование на Бога и продолжал творить ее. «Помереть да с Богом», — говорил он себе, и скоро явилась ему помощь Божия: как пелена свалилась с глаз его, и он познал другую жизнь и вместе с нею и самого себя: «Благ и милостив Господь Бог наш, сотворивший со мною милость сию», — всегда говорил он.

С молитвой Иисусовой неразлучны поклоны; класть поклоны можно поясные и земные, по

усердию каждого. Полагаются поклоны неспешно, с чувством покаяния, и при каждом поклоне произносится молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Так делать можно четверть часа, полчаса, больше или меньше, как удобнее. Чем усерднее потрудиться, тем скорее молитва привьется к сердцу. Молитва умная есть болезненное к Богу припадание в сокрушении и смирении...

Она может быть и без поклонов: например, по нужде, в присутствии других, в пути; большею частью она неразлучна с поклоном... Поклоны — след внутренней молитвы, и хорошо бывает от них душе, если творить их с должным умилением и чувством покаяния, как бы припадая к стопам Господа.

Но не надо унывать, если мы при молитве Иисусовой не можем уберечь свой ум от рассеяния. От монахов, занимающихся послушанием (и мирян тоже), Бог не требует молитвы вполне чистой от развлечения. Будем же благодушествовать и только постоянно всеми силами будем понуждать ум наш возвращаться к себе. Совершенная же свобода от рассеянности есть принадлежность Ангелов. От искушений также никуда не уйдешь; когда враг чего не может сам, то через злых людей наносит нам оскорбления. Особенно же в молитве Иисусовой надо ожидать каждое мгновение нападения от врага. Когда помолишься, как должно, — ожидай того, что не должно. Надо бдительно стоять на страже сердца, чтобы при первом наступлении бить супостата именем Иисусовым, ибо нет для него более страшного оружия ни на земле, ни на небе. «В терпении вашем стяжите души ваши» ([Лк. XXI:19](#)).

Надо все терпеть и все переносить великодушно; не смотреть на то, что делают другие, а внимать, чему слово Божие учит, знать келию да церковь, быть всегда заняту: то читать, то молиться, то делать что-нибудь пристойное и так попеременно продолжать; в меру есть, мало спать и непрестанно молитву Иисусову иметь в сердце. Если и в обители святой увидишь соблазн, преткновения, грехопадения даже, не надо дивиться ему, ибо и на небе некогда брань была, и там был грех (падение диавола и ангелов его). Знать надо только самого себя, считать себя хуже всех, укорять себя во всем и помнить всегда Бога, молясь Ему втайне из глубины души своей, а все прочее оставлять вне себя, как несущее.

Рачитель Божьего дела должен тщательно внимать себе, совершая дело -свое, советуют святые отцы, стяжавшие опыт на сем узком пути, ведущем в жизнь вечную. Если увидишь свет, или огонь вне себя или внутри, или образ какой, будь то Христос, или Ангел, или кто иной, не надо принимать того, чтобы не потерпеть вреда уму своему. Не попускай строить в себе такие образы — это внешнее и ведет к прелести.

И если ум наш будет тянуться к таким внешним воображениям, не надо поддаваться, а держаться внутри, усилив молитву и совершать дело внимания к Богу без всяких образов.

Будет и подозрение к советуемому (духовному лицу) и неблаговоление к самому делу молитвы, хула на нее, изнеможение, желание бросить именно потому, что трудно. Опасно, не слушай, держи свое дело. Враг паче всего делает хулу на молитву Иисусову, столь ненавистна она ему. Ибо когда огонь палит его и отгоняет, ему приступу нет к тому лицу, в сердце которого внедрена молитва Иисусова. Сладчайшее имя Господа Иисуса непрестанно, звучащее и глаголющееся в сердце даже без нашего желания, будет бить врага. Ибо бывает так, что душа забудется, замечается, но, опомнясь и возвратясь к себе, находит, что в сердце поется одно и то же: «Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

На молитве полезно стоять с закрытыми глазами, во внутреннем внимании (молитве Иисусовой), открывать же глаза, только когда нападёт уныние или будет клонить ко сну; тогда глаза надо обращать на образ и горящую перед ним свечу. Если стоя в церкви не можем понимать, слушая пение или чтение церковное, то с благоговением только надо творить Иисусову молитву. Стараться надо всячески углубить слова молитвы в душу и сердце свое. Надо

помнить, что сила и благодатное утешение молитвы заключается не в словах, а в расположении души и соединении сердца с Богом. Поэтому надо заботиться не о том, чтобы как можно больше произнести молитв Иисусовых, но стараться, чтобы сердце и ум были обращены к Богу и находили все благо в общении с Ним.

Самый лучший способ безмолвной молитвы — умной или духовной — обратить внимание на сердце и держать его в таком положении без всякой мысли, непрестанно безмолвно взирая в глубину сердца, внутренне же говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

И вот такое-то простое действие приводит душу в самое мирное состояние, производит дивное утешение, ничем не преодолимое упокоевание в Боге. Когда же мы в молитве призываем имя Иисусово и говорим: «помилуй мя», то на каждое такое прошение, по словам святых отцов, отвечает тайный голос Божий: «Чадо, отпускаются тебе грехи твои».

В страшный же час смертный, при переходе нашем в вечность, святейшее имя Господа нашего Иисуса Христа оказывает спасительную силу против демонов. В это тесное и ужасное время особенно благодетельно имя Господа нашего Иисуса Христа, совершаемое, доколе человек в теле, устами и сердцем, а по разлучении от тела — умом.

Душа, взлетевшая по смерти на воздух, в двери небесные, в себе и с собою имеющая Христа, не устрашится там врагов своих, но дерзновенно будет говорить с ними. Посрамив их у дверей райских, она радостно перейдет оттуда в вечные обители Горнего Царства и неудержимо вольет струю своей непрерывающейся песни (молитвы Иисусовой) в потоки сладости райских песен, неустанно восхваляющих Божию Славу, и соединится с ними навек для нескончаемого, блаженного славославия Господу Сил!

А потому «станем добре», не ослабеваем до исхода нашего вопить ко Господу Иисусу Христу день и ночь, и Он сотворит нам отмщение вскоре по неложному обещанию Своему и в настоящей жизни и по исходе души от тела.

В молитве Иисусовой не надо смущаться безуспешностью: наше дело трудиться, искать и гнаться, а когда дело придет — про то Один Бог знает. Один старец Афонский два года докучал Божией Матери даровать ему огонь в сердце и был услышан. Иной годы, иной десятки годов проводит в трудах, пока успеет стать умом в сердце. Не надо назначать сроков, а делать и просить, чтобы дающий (Господь) молитву молящемуся даровал ее и нам. Ищите и обряцете! Господь подает молитву, но без искания и трудов не дает; видит искание усердное, и труд болезненный и томление жаждущего сердца, сжаливается и подает чаемое благо. Почему Он так делает — Ему Единому ведомо!..

В сокровищницу Божию нельзя вводить, не испытав верности вводимого.

Святитель [Григорий Палама](#) возводит делание непрестанной молитвы на недостижимую высоту, указывая на Пречистую Деву Марию как первую, воспринявшую на Себя образ постоянной молитвы. Он говорит, что Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Свята Святых и внимая [Священному Писанию](#), исполнилась сожаления к погибшему чрез преслушание человеческому роду и стала отыскивать лучший способ беседы с Богом, чтобы получить чрез него дерзновение и ходатайством Своим снова привлечь к нам Божию милость. Ища же, что нужнее всего молитвенникам и чем приходит молитва, Пресвятая Дева нашла это в священном безмолвии: безмолвие ума, далекость мира, забвение всего дольного и восхождение чрез это к Боговидению. Ибо пребыванием в безмолвии отпадает от внутреннего человека все земное, низкое, человеческое; мы отрешаемся и отходим от дольного и восходим к Богу. Пребывающие в молитве и молениях день и ночь в полном безмолвии тем самым очищают свое сердце, соединяются неизреченно с Богом и, как в зеркале, видят Его в себе.

Потому и Пречистая Дева Мария, отрекшись всего житейского, переселившись от людей,

отказавшись от всякого общения и любви ко всему земному, избрала жизнь никому не видимую и необщительную, пребывая в храме. Здесь собрала Она весь ум в одно пребывание с Богом, внимание и непрестанную молитву. Она совершила новый, неизреченный путь на небо, который есть мысленное молчание. Вознесясь выше всех созданий и тварей, Пресвятая Дева гораздо лучше, чем Моисей, созерцала Славу Божию и, причастившись Божественной благодати, не подлежащей слову и паче ума, стала светлым облаком живой воды, и зарею мысленного дня, и огнеобразной колесницей Слова!

Итак, мы ясно видим, что Пречистая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умной молитвой взошла на крайнюю высоту Боговидения и отречением для мира от мира священным безмолвием ума, мысленным молчанием, собранием ума в непрестанную молитву и внимание Сама подала монашескому чину пример стяжания внимательной жизни и внутренней молитвы.

Подлинно это та истинная купля, о которой поревнуем о Христе и мы, братья и сестры. Да будем подобниками Пресвятой Девы, в молитве восхищая единое на потребу истинное богатство, непродаемое и непередаваемое, богатство непокупное и неотъемлемое. Всякий купец всем сердцем заботится о своем приобретении, всей душой должен быть предан своему богатству. Купцы — сыны века сего — лучше сынов света в своем роде. Да будут же сыны света истинными купцами богатства, соблюдаемого на небесах ([1 Пет. 1:4](#)) в Царствии Божиим, а пока не пришло это Царство, нам крепко всем указано: «куплю деети дондеже прииду».

Послесловие

Будущий подвижник схиигумен Герман (в миру Гавриил Гомзин) родился в 1844 году, 20 марта, в Страстной Понедельник. В Великую Пятницу младенца крестили и нарекли Гавриилом, а на Светлое Христово Воскресение пришлось в том году его первые именины — Собор Архангела Гавриила.

Господь судил Своему верному рабу явиться на свет в тихом подмосковном городке Звенигороде, живописно раскинувшись на высоком берегу Москвы-реки, городке, овеянном древними преданиями русской старины и осененном именем ученика преподобного Сергия Радонежского — преподобного Саввы Сторожевского, чья святая обитель расположена в полутора верстах от городской черты, на горе Стороже.

С первых дней жизни Гавриила, а по домашнему Ганю, окружала атмосфера патриархальной русской семьи, проникнутая духом благочестия, доброделания, ежедневного труда и праздничного отдохновения. Родители Гани — Симеон Матвеевич и Марфа Федотовна — любили храм Божий, были людьми простыми и сердечными, старались в обыденных житейских делах следовать заповедям Божиим, творить милостыню и помогать ближним. Симеон владел ремеслом стекольщика. С тяжелым ящиком на плече обходил он городские улочки, то взбираясь на вершины холмов, то опускаясь к самой реке; выполнял заказы горожан и часто возвращался домой с пустой сумой и без денег. С тех, кто не мог заплатить, Симеон денег не требовал, хотя семья у стекольщика была большая: жена, три дочери да пятеро сыновей, с ними жила и бабушка. Всех он должен был содержать. И все как-то устраивалось с Божией помощью. Заботы о хлебе насущном Симеон Гомзин оставлял, когда, преступив порог храма Божия, вставал на клирос и приятным басом воспевал Господу песнь хвалы и благодарения. Он вообще любил петь: пел дома, пел возвращаясь с работы. И ребятишки, получившие по отцу «уличную» фамилию Басовы, играя на улице, тотчас убегали в дом, едва слышат знакомый голос. А дома прятались кто куда: отец уличных игр не любил, считал их занятием пустым и бесполезным, а шалунов наказывал заслушание. Но кормилица встречала у порога бабушка-заступница и просила прощения у него и за себя, и за всех детей.

Четырех лет от роду Ганя лишился матери: Марфа Федотовна скончалась при родах дочери Анастасии 19 ноября 1848 года. Гавриила взяла на воспитание тетка, Матрена Матвеевна

Бабкина, — родная сестра отца. Живя у тетки, которая была его крестной матерью, Ганя ходил в школу. Особенно нравились мальчику уроки Закона Божия, да и другими предметами он занимался охотно и учиться любил. После окончания начальной школы хотел поступать в уездное училище. Для этого нужны были деньги: пять рублей на покупку новых учебников. Отец денег не дал, решил, что это слишком большая сумма, а тетка сказала: «Много людей без этого живут. Поучился, и довольно».

Впоследствии отец Герман будет вспоминать с сожалением о том, что так рано оставил учебу. Но пока беспечная юность взяла свое, и мальчик даже обрадовался, что не нужно больше ходить на уроки. Вскоре Гавриил стал прислуживать в кабачке, который содержал один из его братьев. Это продолжалось почти два года. Постоянные драки, сквернословие, похабные рассказы, пьяные песни — вся атмосфера питейного заведения не могла, конечно, оказывать благотворного влияния на юную душу, и, как только явилась возможность, отец, живший в то время в Москве за Преображенской заставой, вытребовал сына к себе. В Москве же, в районе Мещанских улиц, жил брат Гани Алексей, который, по существу, и взял на себя попечение о мальчике.

«Ух, уж ты избаловался в кабачке», — сказал Алексей при первой встрече с братишкой и как следует «оттаскал его». А затем стал прилагать все усилия, чтобы вывести Гавриила в люди, дать ему какое-нибудь ремесло. Сам Алексей немного рисовал и приохотил к этому делу брата, преподав ему первые уроки, затем отдал его в обучение к живописцу, у которого мальчик прожил четыре года. Потом — еще четыре года — у другого мастера, пока не постиг живописное дело в достаточной степени, чтобы работать самостоятельно.

Древняя столица России с ее святынями, многочисленными монастырями и храмами произвела большое впечатление на благочестивого отрока. В праздничные и воскресные дни посещал он кремлевские соборы и иноческие обители, особенно любил молиться в храмах Чудова, Сретенского, Богоявленского и Новодевичьего монастырей, с величайшим благоговением вступал он под своды кремлевского Успенского собора. Именно этот, московский, период в душе будущего подвижника заложил основы духовной жизни, появился навык молитвенного делания, зародилось и окрепло желание оставить мир и посвятить себя служению Богу. Впоследствии старец о. Герман с чувством глубокой благодарности вспоминал священника церкви при Набилковской богадельне о. Иоанна — своего первого духовника, которому однажды на исповеди сказал о желании принять монашество. Набилковская богадельня — целый комплекс благотворительных учреждений — находилась в районе Мещанских улиц, и Гавриил, живший неподалеку, часто молился в богаделенной церкви. И батюшка, и прихожане хорошо знали мальчика, приходившего в храм в испачканном красками халатике и с жаром молившегося в продолжение всего богослужения. Священник привечал юного богомольца, давал ему книги духовного содержания, исповедовал и наставлял.

Среди духовных писателей юный Гавриил особенно выделял святителей [Тихона Задонского](#) и [Димитрия Ростовского](#). С их трудами он познакомился в отрочестве и до конца дней глубоко чтит этих светильников Православия.

В двенадцать лет Гавриил Гомзин окончательно решил, что будет монахом, но желанию этому суждено было осуществиться нескоро...

В сентябре 1859 года, когда Гавриилу было пятнадцать лет, отец его, ставший рясофорным монахом Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, опасно заболел и был привезен в Москву для лечения. Вечером в воскресенье 19 сентября у постели умирающего в Мариинской больнице собрались сыновья его: Алексей, Василий и младший, Гавриил. Отец уже был так слаб, что не мог поднять руки, чтобы благословить детей. Гавриил, возложив себе на голову отцовскую десницу, мысленно произнес: «Батюшка, благословите меня вместо себя в

монастырь пойти».

Сказать об этом вслух он боялся. Рядом были старшие братья, приложившие немало усилий, чтобы устроить младшенького в жизни, помочь ему заработать свой кусок хлеба и теплый угол. Тем более что сыновья бывшего звенигородского мещанина изрядно преуспели в житейских делах: владели трактирами и питейными заведениями в Москве и Петербурге. Им хотелось, чтобы и брат их жил зажиточно и благополучно, приумножая капиталы и расширяя дело. В этом не было никакой «тирании», а был простой житейский расчет. Жившие «обычной» жизнью братья вряд ли поняли бы Гавриила, а по праву старших они чувствовали ответственность за брата, еще не ставшего твердо на жизненный путь.

Со времени кончины отца прошло два года. Гавриил перебрался по настоянию одного из братьев в Санкт-Петербург. Родные убеждали его оставить малоходное занятие живописью и предлагали участие в торговых предприятиях. Братья выкупили Гавриила из рекрутов, заплатив пятьдесят рублей, сумму по тем временам значительную. Это еще больше усилило моральную зависимость Гавриила от них. Помнил юноша и наставления опытных духовников, не советовавших поступать в монастырь до достижения 25-летнего возраста. Но столица с ее соблазнами, светский образ жизни, который вели родственники, шумные компании, поездки в театр и, наконец, намерение братьев поскорее женить Гавриила — все это укрепило юношу в решимости открыть свое давнее желание. Он рассказал брату о «родительском благословении», на что тот ответил:

— Если отец благословил, значит, на то Божья воля.

Вскоре Гавриил посетил Гефсиманский скит с твердым намерением остаться там навсегда. В Гефсимании он бывал и раньше. Однажды, еще семнадцатилетним юношей, Гавриил приехал в скит и просил разрешения поселиться там, но благословения не получил. И вот теперь он, по его собственным словам, «не шел, а на крыльях летел туда» и «отшлепал ноги», добираясь от Москвы до Сергиева Посада пешком. Скитоначальника на месте не оказалось. Видя в этом особое указание Промысла Божия, Гавриил решил, что ему отпущено время для осуществления давнишней заветной мечты сходить на поклонение святым угодникам в Киев. По железной дороге он добрался до Тулы, потом вместе с обозом до Ельца, где остановился в Троицком монастыре, братия которого оказала радушный прием юному паломнику и помогла добраться до Задонска. Дело в том, что, отправляясь на богомолье в Киев, Гавриил хотел непременно заехать в Задонск, чтобы поклониться мощам святителя Тихона, творения которого еще в отрочестве пробудили в нем стремление к монашеской жизни. Удалось Гавриилу побывать и в Воронеже у мощей святителя Митрофана. Но до Киева он так и не добрался. Пришло время возвращаться в Москву, где ему предстояло выдержать натиск родных, отговаривавших его от поступления в монастырь. На прощание молодой живописец выполнил заказ брата Алексея: написал для церкви святого мученика Трифона иконы святителя Алексия, митрополита Московского, и святой мученицы Параскевы (имена этих святых носили брат и его жена). Завершив работу над образами, ставшую для него своеобразным экзаменом на владение мастерством, Гавриил решительно заявил родственникам, что уходит в скит.

— Гавриила Семеныч, зачем вам это? Можно ведь спастись и здесь, — говорили ему близкие.

— Спасайтесь, если можете, а я не могу, — смиренно отвечал будущий старец.

20 февраля 1866 года, на второй неделе Великого поста; Гавриил Гомзин поступил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры, начало которому было положено в 1844 году благословением святителя Филарета, митрополита Московского (†1867), и трудами его духовника архимандрита Антония (Медведева, †1877), наместника Лавры. Этот «молодой» монастырь, на внутреннее и внешнее устройство которого столь много трудов положил

новопрославленный угодник Божий святитель Филарет, прославился ко времени поступления в него Гавриила Гомзина сонмом иноков-подвижников, освятивших своими подвигами эту дивную по красоте местность в окрестностях Лавры преподобного Сергия. Первонасельники иеросхимонахи Израиль и Иларион, схиигумен Алексей, обратившиеся из раскола в Православие и проводившие житие в утеснении и строгом воздержании, старцы-подвижники схимонахи Харитон и Матфей (†1852), иеросхимонах Феодот (†1873), игумен Иларий (в схиме Илия, †1863), внесшие свою лепту в дело возрождения монашеского делания в России в XIX столетии, — все они стяжали своей обители славу очага подлинного иночества, «врачебницы духовной» для недугующих грехом душ.

Благословением Царицы Небесной, данным новоустроенной обители, явилась знаменитая впоследствии Черниговская икона Божией Матери, находившаяся в пещерном храме Гефсиманского скита и прославившаяся многими чудотворениями. Первое чудо от иконы — исцеление расслабленной крестьянки Феклы Адриановой — совершилось уже после поступления Гавриила Гомзина в обитель.

Ко времени начала подвижничества о. Гавриила (пострижен в рясофор 25 июня 1870 года) в скиту пребывали два старца: иеромонах Тихон (†1873) и иеросхимонах Александр (†1878). Так было угодно Господу, чтобы новоначальный инок последовательно проходил науку монашеского жития сначала у одного, потом у другого подвижника.

Отец Тихон — ученик оптинского иеросхимонаха Феодота (†1875), некоторое время подвизавшегося в скиту Параклита близ Лавры, — отличался простотой, глубочайшим смирением, удивительным умением говорить с каждым, кто обращался к нему. [Любовь](#) и сострадание старца к людям были так велики, что он нередко плакал, принимая исповедь, и ласковым задушевным словом утешал кающихся грешников. Именно к нему, начальнику и братскому духовнику скитских пещер, и поступил в послушание рясофорный монах Гавриил. Дело было так: один иеродиакон из братии отвел Гавриила к отцу Тихону, говоря, что отец Александр очень строг, а этот батюшка — простой и добрый. И с этого времени отец Гавриил стал ходить к отцу Тихону открывать свои помыслы, просить советов и наставления. Впоследствии схиигумен Герман так вспоминал о своем первом старце:

«Простой он был такой и такой любвеобильный. Бывало, придешь к нему, а стулья у него все завалены одежей, и он говорит:

— Ну, парташенька, скидывай на пол одежонку, садись. Давай чай пить.

И тут за чаем ему все говоришь и расскажешь про себя, что на душе, да и то, что против него думаешь и что против него говорят; а он отвечает, бывало:

-А ты ко мне не как к старцу, а как к брату ходи; а брат от брата утверждается, яко град тверд».

Почти четыре года пробыл отец Гавриил в послушании у отца Тихона, пока не призвал его другой гефсиманский подвижник — иеросхимонах Александр. Этот дивный старец, прошедший сорок лет жизни в иночестве и из них десять лет в затворе, был в учениках у знаменитого оптинского старца отца Леонида (в схиме Льва, Наголкина, †1841) вместе с преподобным Амвросием Оптинским (†1891), который впоследствии присылал своих духовных чад на исповедь к отцу Александру. С двенадцатилетнего возраста будущий подвижник приобрел навык Иисусовой молитвы. В Гефсиманию он поступил в 1851 году по благословению святителя [Филарета Московского](#), а в 1871 году в первый день августа месяца он — по благословению архимандрита Антония (Медведева), наместника Троице-Сергиевой Лавры, — ушел в затвор. С этого-то памятного дня и стал келейничать у отца Александра будущий схиигумен Герман.

Перед тем как удалиться в затвор, отец Александр попросил как-то отца Гавриила прибраться у себя в келий, затем стал все чаще приглашать его к себе за каким-нибудь делом и,

наконец, переговорив предварительно с настоятелем, сказал отцу Тихону: — Я у тебя ученика хочу отнять. — Ну что же? Бери, пожалуйста, пусть он тебе послужит, — благодушно ответил старец.

«Так меня из полы в полу передали», — вспоминал об этом случае отец Герман, всегда с любовью чтивший память обоих старцев, а особенно отца Александра, от которого он, по его собственным словам, получил великую душевную пользу.

«Великий это был старец, — говорил он впоследствии своим ученикам, — молитвенник, делатель молитвы Иисусовой. Зайдешь к нему, бывало, благословение взять ко всенощной идти, а он сидит и весь погружен в молитву. Вернувшись от всенощной, зайдешь к нему опять, он сидит на том же месте и весь ушел в молитву.

— Ты разве в церковь не ходил? — спрашивает меня.

Он и не замечал, сколько прошло времени, а прошло четыре часа»...

Вспоминая свои первые шаги на поприще иночества, схиигумен Герман говорил, что в скиту у него было «два столпа»: старец и игумен. Старец учил уничижать и укорять себя постоянно, в монастыре учили знать лишь церковь, келию, трапезу и старца. Кроме послушания у отца Александра Гавриил ежедневно по два часа нес в храме чреду по чтению Псалтири и писал иконы. Поступая в обитель, он скрыл, что владеет ремеслом живописца, полагая, что по делам своим достоин лишь послушания на кухне. Но кто-то из его прежних знакомых открыл «тайну» монастырскому начальству, и Гавриилу определено было проходить послушание иконописное. Первая икона, написанная им в скиту, — Черниговский образ Божией Матери, помещенный на монастырскую колокольню. Его кисти принадлежали также изображение Скорбящей Божией Матери в притворе Черниговского храма над пещерами, портреты старца отца Александра и скитоначальника архимандрита Антония. Им были отреставрированы почти все иконы пещерного храма, образа и настенные росписи Иверской часовни.

С иконописным послушанием связан один замечательный эпизод из жизни отца Германа. Приехав на богомолье в Киев, подвижник побывал в часовне, принадлежавшей одному женскому монастырю. В часовне он увидел Черниговскую икону Божией Матери и... узнал свою работу. Подойдя поближе, он разглядел и подпись: «Писал рясофорный монах Гавриил. Гефсиманский скит. 1874 год». Икону явно окружали особым почетом. К образу Владычицы были привешены отлитые из золота и серебра изображения рук, ног, голов — свидетельства чудесных исцелений. Отец Герман спросил у монахини о причинах такого благоговейного отношения к иконе и услышал в ответ: — Потому что она чудотворная. 29 ноября 1877 года Гавриила Гомзина постригли в мантию и нарекли Германом. Монашеское имя он получил в честь святителя Германа, архиепископа Казанского. Восприемником отца Германа в монашестве был его старец отец Александр.

9 февраля 1878 года почил о Господе затворник иеросхимонах Александр. После кончины любимого старца отец Герман в продолжение девяти лет искал себе духовного руководства. Он вступил в переписку с валаамскими старцами и святителем Феофаном Затворником (†1894). По свидетельству самого отца Германа, святой епископ «добре устроил» его. Впоследствии переписка двух подвижников была издана в виде брошюры под названием «Ответы епископа Феофана, Затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока о молитве». На суд святителя отдал отец Герман и свои записки о почившем старце отце Александре. Сначала он отправил воспоминания преподобному [Амвросию Оптинскому](#) и затем, получив его одобрение, — святителю Феофану, который, исправив кое-что, в письме к отцу Герману посоветовал издать записки, прибавив, что «держат их под спудом было бы не совсем безгрешно». Ученые иеромонахи из духовных детей отца Германа еще раз просмотрели и отредактировали рукопись, которую затем и издали.

5 июля 1880 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков, †1882) рукоположил в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры инока Германа во иеродиаконы. В 1885 году, 17 августа, в день скитского праздника «Вознесения Божией Матери» иеродиакон Герман был рукоположен во иеромонахи. Чин иерейской хиротонии над ним совершил митрополит Иоанникий (Руднев, †1891).

Вскоре после этого многие из скитской братии, а также некоторые иноки Лавры и студенты Московской Духовной Академии стали обращаться к отцу Герману за духовными наставлениями.

Это смущало подвижника, и он обратился за разрешением недоумения к Вышенскому Затворнику. Святитель Феофан благословил иеромонаху Герману принимать приходящих и даже дал ему заповедь: никому не отказывать и всех принимать с любовью. Через некоторое время (13 марта 1892 года) отец Герман был утвержден в должность братского духовника Гефсиманского скита, а в 1893 году он был назначен также духовником больницы и богаделенного скита.

В этот период жизни отец Герман был уже известен многим иерархам Церкви, инокам, взыскующим подлинной духовной жизни; его имя было окружено глубочайшим уважением в Московской Духовной Академии. К числу духовных чад старца относились ректор академии архимандрит Антоний (Храповицкий, †1936), впоследствии митрополит; архимандрит Чудова монастыря Арсений (Жадановский, †1937), впоследствии архиепископ Серпуховский; игуменья Иоанна — настоятельница Аносина Борисоглебского монастыря, этой, как ее называли, «женской Оптиной пустыни», и многие, многие другие выдающиеся личности. А с 1897 года в жизни подвижника начался новый этап, связанный с настоятельством в Зосимовой пустыни...

Эту небольшую иноческую обитель, расположенную на границе Московской и Владимирской губерний, в Александровском уезде, близ станции Арсаки Северной (ныне Ярославской) железной дороги основал в конце XVII столетия схимонах Зосима. Временами пустынь, названная по имени основателя Зосимовой, приходила в упадок и запустение; бывало, что и вовсе упразднялась, и в местности Ульянова пустошь, где находился монастырек, не оставалось ни одного строения. Но каждый раз — по молитвам почившего отца Зосимы — пустынь восстанавливали благочестивые почитатели памяти этого подвижника. Во второй половине XIX столетия в деле возрождения обители принимал живейшее участие известный юродивый Филиппушка (в иночестве — Филарет) и его сыновья: Прокопий, Галактион и Лазарь. А в конце XIX — начале XX века Зосимова пустынь получила широкую известность как выдающийся центр духовничества и старчества. И в этом немалая заслуга отца Германа.

Удалившись из Гефсиманского скита с двенадцатью учениками (какое знаменательное число, если учесть, что один из них воздвигнет гонение на своего учителя), отец Герман, напутствуемый молитвами и благословениями своего сподвижника отца Варнавы Гефсиманского (†1906), известного на всю Россию подвижника и духовника, принялся за устройство Зосимовой пустыни, устройство внешнее и внутреннее. Все в обители требовало его непрерывных забот; всюду должен был поспевать он. И на стройке, и в трапезной, и в храме за богослужением, и на монастырских послушаниях — всюду надо было вводить благочиние и порядок, истинный строй жизни, проникнутый молитвой и покаянием, строй, при котором не мешкают и не поспевают, но все совершают во благовремени.

Митрополит Серафим (Чичагов, †1937), принявший в 1898 году постриг в Троице-Сергиевой Лавре, составил очерк, посвященный истории и современному положению Зосимовой пустыни. Эта замечательная книжечка выдержала до революции три издания (1899, 1901, 1913) и в четвертый раз была переиздана недавно, уже в наши дни. Владыка (в то время

отец Серафим) писал в своем очерке о Зосимовой времен настоятельства отца Германа:

«Около отца Германа собрались монашествующие, как простосердечные дети около любимого отца. Не скроются эти подвижники и боголюбивые труженики от взора народа, ищущего правды духовной, их скоро найдут скорбящие, недужные, страждущие, и просветится обитель блаженного схимонаха Зосимы! Тогда мир устремится искать себе отрады, облегчения, утешения в эту самую пустынь, которую злоба мира хотела уничтожить до основания.

Не увидит здесь мир ни довольства, ни покоя, а будет свидетелем бедности, недостатков, трудов и древнего монастырского порядка, длинных служб по церковному уставу. Стройное, старинное пение, так называемое столповое, произведет совершенно иное впечатление, чем обычное светское пение в городах. Увидит мир, как совершается ежедневно к вечеру монашеское правило по Саровскому уставу со многочисленными поклонами, с умною молитвою, со слезными прошениями и воздыханиями за благодетелей, попечителей, жертвователей обители, а также и за обидящих, осуждающих по неведению. Братия живет по примеру святых отцов под руководством своих старцев, открывая им ежедневно свои помышления. Живущие здесь монахи — истинные труженики: летом работают на огородах, косят сено, чистят лес. Это занятие для свободного времени, для отдыха. Не прекращается работа в мастерских, келиях. Таких послушаний — до четырнадцати:

1. день и ночь читают Псалтирь за благодетелей;
2. пишут образа, иконы;
3. занимаются токарным производством;
4. столярничают;
5. переплетают книги;
6. пекут просфоры;
7. пекут хлебы;
8. работают на кухне;
9. шьют одежды;
10. занимаются малярной работой;
11. в кузнице;
12. в слесарной;
13. шьют сапоги;
14. лудят посуду.

Таким образом, братия постоянно находится в трудах.

Картина достаточно красноречивая! В период настоятельства отца Германа 24 октября 1898 года в Зосимову пустынь поступил бывший священник Большого Успенского собора Московского Кремля отец Феодор Соловьев, а 30 ноября того же года он принял постриг от руки отца Германа и был наречен Алексием в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Так начал свой путь в иночестве знаменитый старец Алексий Зосимовский (†1928) — ученик и сотаинник схиигумена Германа, великий молитвенник и знаток человеческой души. В эти годы у отца- Алексия получали духовное окормление святая мученица великая княгиня Елисавета Феодоровна (†1918) и сестры Марфо-Мариинской обители, члены Императорского Дома, высшие сановники государства, иерархи Церкви.

В Зосимову стекались сотни и тысячи богомольцев со всей необъятной России. Пустынь стала одним из духовных центров русского Православия того времени. Офицеры и чиновники, священники и монахи, крестьяне и ремесленники, промышленники и торговцы — все они, мужчины и женщины, старики и молодежь, молодые супруги и юные девы, обновлялись духом, принимая наставления старцев Зосимовой пустыни и уносили с собой в мир ее особенный свет — отблеск Света Невечернего.

Но на пути своего служения отец Герман, как и подобает для истинного подвижника, будь он монах или мирянин, встречал далеко не одни только утешения. Бывали и скорби. По временам — тяжкие. Бывали и искушения. Один из учеников, пришедший вместе с отцом Германом из Гефсиманского скита в Зосимову, восстал на своего авву и немало навредил ему. В обители подняли ропот среди братии, и дело закончилось было переводом игумена Германа в Махрицкий монастырь Владимирской епархии. В «ссылку» отец Герман прибыл 14 сентября, когда Святая [Церковь](#) вспоминает изгнание святого [Иоанна Златоуста](#) из Константинополя. Его краткое пребывание «на Махре» ознаменовалось двумя пожарами в обители. А уже 4 ноября отец Герман получил повеление вернуться обратно. Через десять дней он был в Зосимовой. За старца хлопотала великая княгиня Елисавета Феодоровна и усердно молилась за него, вычитывая еженощно акафист Божией Матери «Всех скорбящих Радости»...

Вечером 28 июля 1916 года в своей келий игумен Герман принял пострижение в великую схиму от руки епископа [Арсения \(Жадановского\)](#). С этого момента помыслы старца всецело направлялись на достойное приготовление к блаженной вечности. Последние дни схиигумена Германа подробно описаны в воспоминаниях, оставленных архиепископом Арсением. Отметим лишь, что умирающий наставник иноков тяжело переживал разлучение с храмовым богослужением и с нетерпением ожидал момента причащения Святых Тайн, которые принимал ежедневно.

Вечером 17 января 1923 года схиигумен Герман окончил свой земной путь и преставился ко Господу, сопровождаемый молитвами и скорбными слезами братии, а также всех, кто почитал его при жизни. Последними словами батюшки были:

— Нам нужно всем готовиться в небесные обители!

Старец предсказывал, что, пока он жив, обитель его не закроют, и действительно, Зосимова пустынь была окончательно закрыта вскоре после погребения отца Германа. В настоящее время по молитвам первоначальника обители схимонаха Зосимы, старцев Германа и Алексия Зосимова пустынь возрождается...

До настоящего времени, по вполне понятным причинам, в отечественной церковной печати не появлялось ни одного сколько-нибудь полного жизнеописания схиигумена Германа. Все, что можно было узнать о духовном наследии старца, уместилось в небольшой книжечке «Заветы о делании молитвенном», выпущенной почитателями отца Германа в Берлине. Его имя упоминалось в некоторых публикациях, осуществленных также за рубежом. Совсем недавно вышло в свет жизнеописание отца Германа, составленное архиепископом Арсением (Жадановским) («К свету», № 14). Воспоминания иерарха-мученика касаются в основном пастырской деятельности почившего подвижника, его духовных связей, а также содержат волнующие страницы, повествующие о последних днях жизни старца схиигумена. В записках владыки Арсения содержится также перечень трудов отца Германа. Образ строгого, углубленного в аскетический подвиг старца сохранили воспоминания митрополита Вениамина (Федченкова, †1961). В главе «Зосимова пустынь» владыка рассказывает о своей встрече с игуменом Германом. Что же касается биографических данных, освещения конкретных обстоятельств жизни старца, сведений о близких ему людях, то до последнего времени в материалах подобного рода ощущался крайний недостаток. И можно было подумать, что трагические потрясения, совершившиеся в нашем отечестве, а также неумолимое время, прошедшее со дня кончины подвижника, навсегда лишат нас точных сведений о нем, сделают невозможным прикосновение к его духовному наследию, которое не дошло до наших дней.

Так казалось. Но по милости Божией и по усердию благочестивых христиан, почитавших память отца Германа, и его жизнеописание, и некоторые поучения его сохранились буквально чудом и ждут своего читателя.